

ИСТОРИЯ ПЕДАГОГИКИ

Вестник ПСТГУ. Серия IV:
Педагогика. Психология
2016. Вып. 3 (43). С. 51–60

Безрогов Виталий Григорьевич,
д-р пед. наук,
ИСТО РАО (Москва)
v_bezrog@rambler.ru

КОНЦЕПЦИЯ ЗАБОТЫ О СЕБЕ ADVERSUS NATIONES: ВОЦЕРКОВЛЕНИЕ АРНОБИЯ АФРА*

В. Г. БЕЗРОГОВ

Рассмотрены представления христианского апологета III–IV вв. по вопросам заботы человека о самом себе, его антропологического статуса и возможностей собственной личности как самовоспитывающегося субъекта. Показано, как в диалоге христианских и греко-римских концепций воспитания вырабатывается особая педагогическая концепция, помогающая перейти от вторых к первым. В процессе этого перехода возникает идея о невозможности позаботиться о себе без помощи христианского Бога, который помогает тем, кто активно работает над собой. Активность в практиках заботы о себе, несомненно, взята у эллинско-римских языческих теорий заботы о себе и приложена в сочинении рассматриваемого в статье Арнобия к практикам спасения себя с помощью самопреодоления и преображения. Сочинение «Против язычников» выступило важным мостом от практик самосовершенствования, центрирующихся на собственных достижениях и полисных образцах, к практикам, в которых достижения в заботе о себе были уже общими с Иисусом Христом как наставником.

Введение: отвержение не себя или не отвержение себя

Известно, что переход от античного философского дискурса по вопросу заботы о себе к дискурсу средневековому представляет собой в свете работ Мишеля Фуко и его последователей значительную методологическую проблему¹. Спектр возможных вариантов велик. Обычно говорят о разрыве между античностью и христианством, о новом взгляде, тезисе о преодолении себя, отказе от себя и заботы о себе как о парадигме, возможной для средневекового христианина лишь в исповедальном варианте. В меньшей степени говорят о таком переосмыслении античной концепции, которое проходило с опорой на продолжение, сохранение и развитие механизма активной заботы о себе в этом мире, практику следования истинному пути, обдумывания своих помыслов и поведения, самопреобразования.

* Работа поддержана грантом РГНФ 14-06-00315а.

¹ См.: Пичугина В. К. Антропологический дискурс «заботы о себе» в античной педагогике. М.; Калуга, 2014.

Конечно, мы видим в них и серьезные отличия друг от друга. В античности момент получения/окончания назидания со стороны учителя делает ученика оперившейся особью, индивидом, способным с помощью свободного суждения о себе летать в том социальном и культурном небе, для которого его назидали. В христианском мире наставник в лице священника продолжает постоянно сопровождать назидаемого и выправляемого, в том числе и с помощью такого важнейшего средства, как исповедь. Дар работы над собой, самомедитации получает ученик и в средневековом социуме, будь он монах или мирянин, дающий вечером себе и Богу отчет о прошедшем дне. Важно, на каком понятийном языке он говорит с собой, в каком контексте, в каком мировоззренческом и психологическом ландшафте. В некоторых случаях мы видим значимые «технологические» аналогии с философствующим язычником и его упражнениями собственного духа. Например, идея бдительности к самому себе удивительным на первый взгляд образом роднит такую фигуру, как Эпиктет, с полностью ему противоположными коптско-сирийскими монахами. Научение размышлению и тренировке себя было в повестке дня обеих воспитательных систем. Забота об ученике необходимо перерастала в его собственное поведение. Эпиктет в «Беседах» выстроил триаду педагогической философии жизненных этапов человека: «Философы наставляют не довольствоваться только изучением (научением, образованием, *matheîn*), но присовокуплять и приучение себя (размышление, рефлексию, озабоченность самим собой, *melêtê*), затем упражнение в осуществлении на деле (тренировку себя, практику бытия в жизни, *âskêsis*)» (2. 9, 13, пер. Г. А. Тароняна, 1997. С. 108)². Термины, обозначавшие второй и третий «этапы», были хорошо знакомы и приняты у монахов, а с первым вполне могли согласиться христиане, жившие в миру.

Consulueris tu tibi Арнобия Афра

Одним из таких христиан был ритор Арнобий из Северной Африки, тогда Проконсульской Африки, или Нумидии, живший в III–IV вв. «Один из лучших, по словам Иеронима Стридонского, учителей риторики» (*De vir. ill.* 79), обратился в новую веру уже во взрослом состоянии. Согласно тому же Иерониму (*Chron. a.* 2343), доказательством внутреннего переворота североафриканского ритора стало сочинение «Против язычников (*Adversus nationes*)», единственное сохранившееся до наших дней, написанное еще во время гонений на христиан, скорее всего в 303–305 гг. Текст позволил Арнобию креститься и войти в церковную общину. В истории ритор-христианин признан одним из апологетов, хотя отношение к его сочинению не всегда было в церковной традиции однозначно позитивным. Для нашего рассмотрения темы перехода от античных концепций заботы о себе к христианским этот аспект неполной каноничности Арнобия играет позитивную роль.

² См.: *Hieronymus Frank. Melêtê. Übung, Lernen und angrenzende Begriffe. 2 Bde. Basel, 1970. Bd. 1. S. 89 usw.; Newman Robert J. Cotidie meditare: Theory and Practice of the meditatio in Imperial Stoicism // Haase Wolfgang (Hg.) Aufstieg und Niedergang der römischen Welt. Vol. II: Principat, Band 36 (3. Teilband). Philosophie, Wissenschaften, Technik: Philosophie (Stoizismus). Berlin; N. Y., 1989. S. 1484 ff.*

Отвечая на обвинения в адрес христиан, убеждая аудиторию в истинности их идей, Арнобий неизбежно касается роли и места человека, его взглядов и деяний. Эта роль — активная, лично призванная. Без самопризывания невозможно получить внимание со стороны Христа. Христианский ритор вспоминает платоново: «...свобода воли находится во власти того, кто волей обладает» (Res.617e), и заботу о себе видит как вход в новую, истинную веру: «Неужели необходимо просить тебя, чтобы ты счел достойным себя принимать от Бога милость спасения?.. Желаете принять то, что предлагается, и употребить это на собственную пользу? Сам позаботься о себе (*consulueris tu tibi*)!.. Ты сам лишаешь себя пользы дара! Бог никого не принуждает...» (2.64.3–4)³. Бог заботится о человеке, «никому не отказывает в Своей милости» (1.49.4), но ждет и ответной активности. Человек, по Арнобию, с рождения обучается заботе о самом себе, и вечный результат его жизни зависит от правильного биографического освоения такой способности.

Для обозначения «заботы, заботиться», помимо понятия *conculo*, Арнобий применяет, и гораздо чаще, традиционное *cuo*, *cuo*, а также *procuo*, *sollicitudo*, *tutela*, *negotium* и некоторые другие слова по контексту (*custodio*, *amo*, *provideo*, *studium*, *habito*, *action*, *officium*), связанные с исполнением обязанностей, осуществлением должного, полаганием нужным делать необходимое, заботиться, почитать, пытаться что-либо узнать, прояснить, вывести на свет, связанные со старанием, попечением о себе и других, учитыванием их стремлений и нужд, с внимательностью к чему или кому-либо, и т. п.⁴. Заботой проникнуты отношения Бога и людей, людей между собой, людей с окружающим миром, животных в отношении самих себя (1.2.9). Более того, апологет подчеркивает, что в заботе о своей душе (о теле — другой разговор) язычники и христиане сущностно схожи. Этот тезис выводит его к возможности обсуждать заботу о самих себе адресатов его текста. «Вы [язычники] осмеливаетесь смеяться над нами [христианами] за то, что мы печемся (*provideo*) о спасении своих душ, т. е. о самих себе? Ибо что такое мы, люди, если не души, заключенные в теле? Но разве все вы не заботитесь (*cuo*) об их сохранности? Не потому ли вы воздерживаетесь от всех пороков и излишеств, что боитесь остаться как бы накрепко пригвожденными к телам?» (2.13.7). Мнение о себе важно для всех. Если животные «неустанно заботятся (*cuo*)» о себе и потомстве (2.16.11), то они и похожие на них люди имеют заботу лишь о теле. С точки зрения Арнобия, этого недостаточно.

Отдельным вопросом выступает у Арнобия понимание «самого себя», принадлежности себе и другим. Возможность принадлежать самому себе не главное для правильного осуществления заботы о себе. Осуществление заботы о себе опирается для Арнобия не на свободу, но на волю и одновременно — отсутствие высокомерия, т. е. понимание пределов и возможных направлений для человеческой воли и деяний. Понимание устройства мира, обучение себя — часть забо-

³ Здесь и далее сочинение «Против язычников» цитируется в основном по изд.: *Арнобий Старший. Против язычников в семи книгах* / В. М. Тюленев, пер., вступ. ст., коммент. СПб., 2013. В иных случаях указана ссылка на оригинал: Adv.her. Оригинальный текст доступен в The Latin Library и в Documenta Catholica Omnia.

⁴ Двумя другими кругами значений *cuo*, *procuo* являются темы исцеления и исполнения очистительных, искупительных ритуалов. В данной статье они не рассматриваются.

ты человека о самом себе (1.29.7). Педагогическое основание *cura animi homines* лежит в основе представлений рассматриваемого автора о человеческих уделе и заботе. Конечно, речь не идет о генеалогиях и мифах об античных богах, также в те годы находившихся среди изучаемого детьми и взрослыми материала (1.36.6). Центром рассмотрения становится обученность человека Иисусом, приобретение первым верного и ответственного суждения, закрепление индивидом за собой такой способности. «Приведенный таким великим Учителем на путь истины, я знаю относительно всего этого, чем это все является, сужу о достойном должным образом, не наношу никакого оскорбления божественному имени, и всякому лицу, мнимому или действительному существу, я воздаю должное, не смешивая ни степеней, ни званий» (1.39.2). По всему произведению разбросаны образы Того, «Который говорил и слушал, учил, вразумлял и наставлял» (1.46.8; 60.4; 63.5 и мн.др.). Способность к собственному суждению, взятая из аристотелевского наследия, лежит у Арнобия в основе выстраивания волевой стратегии собственного поведения, собственной заботы о самом себе. Глубина познания самого себя дает постижение размерности места, занимаемого в этом мире человеком, предотвращает от гордыни. Освоение всего, придуманного людьми, не ставит тогда человека выше Бога. Главное — не знание предметов, а знание себя и своего места в мире и в Боге.

Тут наступает точка разрыва между христианством и язычеством — в истолковании «чувства пользы», которое руководит заботой человека о самом себе. «Не поступаем ли мы так, что из чувства пользы, следуя которому все мы любим себя, мы тянемся к Тому, Кто обещает нам избавление от опасности, льнем к Нему и предпочитаем Его даже нашим душам, если только позволительно такое сравнение? Вы возлагаете спасение душ ваших на самих себя и надеетесь своими собственными усилиями сделаться богами; но мы ничего не обещаем себе из-за своей слабости...» (2.33.2). У язычников забота о себе силами самих себя, у христиан забота о самих себе своими малыми, несовершенными силами при помощи «Господина мира». «Души некрепки», каждодневная забота философов о самих себе, самостоятельное изгнание страстей во имя добродетелей, по мнению Арнобия, бесполезно вследствие «не царственного» происхождения души, ее повседневной слабости. Заботу о душе без помощи Бога невозможно закрепить сколь-либо устойчивыми результатами (2.50.1–2.51.1). Надежда и опора христиан на заботу Бога о своих чадах: «Мы надеемся, что всемогущий Бог позаботится о нас (букв. «примет нас во внимание»), когда мы начнем отделяться от тел и спасаться... от пасти смерти» (2.53.2), поскольку Бог «печется (*суро*)» о спасении людей (2.76.1). Забота человека в том, чтобы соотнести себя с волей Бога, работать над собой в одном направлении с ней — и тут мы оказываемся весьма близко от исповедальности как формы заботы о себе в Средневековье, отмеченной Мишелем Фуко⁵. Вопрос же о том, заботятся ли языческие боги о людях (2.56.5), Арнобий решает прежде всего заявлением о многочисленности и абсолютной противоречивости языческих мыслителей, в связи с чем найти общий ответ на этот вопрос невозможно.

⁵ См.: *Besley T. & Peters M. Subjectivity & Truth. Foucault, Education, and the Culture of Self.* N. Y., 2007. P. 19–42.

Точка зрения самого писателя состоит в том, что языческие боги — обожествленные люди, жившие давно в прошлом, и потому они по факту своего происхождения (память о великих) не могут осуществлять заботу о ком бы то ни было, ибо сохраняются лишь в умах людей. Но даже если можно было бы представить, что «в круг забот» богов «входит устраивать судьбы смертных», то они точно бы «оставили кормило», устав от постоянной докучки, просьб, поношений и оскорблений, наносимых им людьми в различных о них повествованиях, где они выставлены напоказ в весьма неприличном виде (3.11.2–3; 4.33; 4.36.2 и др.). Другим аргументом Арнобия против факта заботы античных богов о человеческих делах выступают результаты осуществления человеком выпадающих ему забот, противоположные просимым: «...лишь в насмешку можно говорить, что боги помогают нам...» (3.23.2), куда ни глянь — в поля, на домашних животных, в болезнях людей и т. д. С третьей по последнюю книгу семикнижия «Против язычников» критически перечисляется масса римских богов, якобы ответственных за детали жизни людей, показывается, что не их заботой пчелы собирают мед, кости крепнут, а еда на кухнях приобретает съедобный вид, что забота богов о людях является неверным истолкованием событий, происходивших с людьми и природой. Соответственно, выглядит напрасной и забота людей изучать имена и особенности истории многочисленных персонажей, именуемых богами, воздвигать им статуи. Значительная часть античного образования, связанная с мифами и генеалогиями, ставится таким образом под вопрос. Проблематизируется и режим охраны языческих храмов, ибо если в них пребывают боги, то следует не на сторожевых собак, а на них самих возлагать охрану и попечение о статуях и изображениях: «...предоставьте им самим позаботиться о себе (*cura sui*), пусть святилища всегда будут открыты...», а за кражи из них пусть боги сами «подвергнут святотатцев соответствующим наказаниям» (6.20.2), пусть «заботятся о храмах» (*Adv. her.* 6.23.5), поскольку должны были бы «знать (*nosco*) себя по собственной силе», а не по человеческой лести (7.15.3). Однако статуи не могут заботиться (*curo*) о жертвоприношениях, ибо «лишены чувств» (7.1.1). «Знание себя» отнюдь не помешало бы и человеку, упражняющемуся, пишет Арнобий, в познании ложных богов, а не только в интроспекции самого себя и своей природы.

Истинное поведение должно опираться на додумывание, домысливание — представляемым учеником прочтенного и услышанного — и поскольку далеко не все записано, и поскольку бесы заботятся о неверном понимании написанных слов: «Не могло быть все записано или дойти до слуха всех среди непросвещенных народов, незнакомых с употреблением письма, и если что-то было записано и описано, то по злобе демонов, заботящихся (*curo*) и стремящихся (*stadium*) погубить эту истину, а также подобных им людей, кое-что было вставлено и добавлено, частью же удалено и выпущено из слов, слогов и букв, чтобы препятствовать вере рассудительных людей и ослабить значение деяний» Христа (1.56.3). Поэтому не красота букв, слогов, слов, а простота стиля есть противоядие лукавству: «Некоторые, предающиеся мудрствованию, не только отбрасывали прочь заботу о языке (*cultus sermonis*), но и, хотя могли говорить более изящно и обстоятельно, специально использовали обыкновенную, простую речь, чтобы не нанести вреда...» (1.59.5). Известно, говорит Арнобий, что забота о языке прославлен-

ных грамматиков Корнелия Эпикада, Луция Цезеллия Виндекса, Марка Веррия Флакка, Квинта Теренция Скавра, а также грамматика I в. Ниса (другие части его имени не сохранились) так и не научили даже латинских языческих писателей грамоте (1.59.13).

Заключение: парадигма Арнобия вне схемы Фуко

Арнобий предлагает свои практики работы с и над самим собой, и они не есть отвержение заботы о себе. В тесной связи с верой и надеждой на спасение и Небесное Царство раннехристианским апологетом смоделированы вполне активные практики себя, не связанные только с исповедью, но прямой работой над собой здесь и сейчас, своими отношениями с другими как частью заботы о себе, отношениями с Богом и с собственной перспективой развития на пути следования Его заповедям. Индивид Арнобия призван активно работать со своим телом, душой, мыслями, поведением, образом жизни, фактически следуя идее самотрансформации, достижения совершенства и счастья, как и не христианин позднеантичной эпохи. Однако он в большей степени ориентируется на результаты Там, хотя и понимает, что они невозможны без достижений Здесь; признает собственную ограниченность; заботу о себе не только самого себя, но и божественного Помощника и Наставника. В то же время забота о себе, как и в прежней философии, все равно опирается на понимание истин о себе, постижение себя, практику себя. Без самого себя, в отвержении, исключении себя, своих мыслей и воли (как почти в то же время будет заявлено монашеской педагогикой), вне собственной активности, осознанности поведения и самосознания Бог не будет помогать такому пассивному человеку, ему не сподобиться, по Арнобию, Царства Небесного. Спасение самого себя вне самого себя, только внешней человеку силой, согласно нашему африканскому наставнику, не происходит и произойти не может: Господь не помогает тем, кто сами собой не управляют, сами о себе не заботятся, а возлагают все на Бога.

Данный тезис Арнобия противостоял аскетическим идеям «внемыслия» отцов-пустынников. Без уверенности в себе, с которой, к примеру, в том же IV в. намекает быть осторожным свт. Афанасий Александрийский, а в VI в. призовет бороться Дорофей из Газы⁶, по Арнобию, пришедшему к христианству именно активным путем, невозможно стать подлинным христианином. Вне осознания правоты собственных действий и потому воли к истинному невозможно таковым и быть. Если я постигаю себя как христианин, то и забота моя обо мне как о христианине имеет определенную программу — не только воплощающуюся в исповеди, которая ее венчает, но через познание себя также и в активной самотранс-

⁶ Athanasius of Alexandria. *Life of Antony* / Tr. by Tim Vivian and Apostolos N. Athanassakis. Kalamazoo, 2003; Dorotheus of Gaza. *Discourses and Sayings* / Tr. by Eric Wheeler. Kalamazoo, 1977; Dorotheus von Gaza. *Doctrinae diversiae. Die geistliche Lehre. Überz.* Judith Pauli. 2 Bde. Freiburg im Breisgau, 2000; Dorothee de Gaza. *Instruction, presentation et traduction par Sr. Pascale-Dominique Nau.* R., 2014; *Pauli J. Menschen und Menschenwerden nach der geistlichen Lehre des Dorotheus von Gaza.* St. Ottilien, 1998; Nau, Pascale-Dominique. *Psychological Maturity and Spiritual Maturity: A Reading of Dorotheus of Gaza.* R., 2012; *Войтенко А. А.* Египетское монашество в IV в.: житие прп. Антония Великого, Лавсаик, История монахов. М., 2012.

формации. Христианизация субъекта происходила, как нам думается, не только в пространстве разрыва связи с Аидом. Уход от Юпитера не означал отречения от самого себя, принятия полного самоотвержения. Забота о себе дополнилась заботой о тебе со стороны Другого, и эта двойная забота о человеке при условии согласованности ее частей могла, как верил теперь и Арнобий, творить чудеса. Воспитанный на античной заботе о себе, в том числе в значительной части на эпикурействе, неоплатонизме, стоицизме, нумидийский ритор не считал нужным исключить тезис о *cura sui* из христианского социально-педагогического дискурса. Его наличие снижало драматичность «переключения» на новую веру, показывало более или менее привычные техники себя как способы передвижения уже на иных жизненных путях. Формирование истинного христианина включало воспитание в нем способности заботиться о себе и о своей душе вплоть до посмертного ее существования. Арнобий как ритор, как воспитатель на высшем уровне античного образования, отправлявший в самостоятельное плавание по жизни немало число учеников, прекрасно чувствовал переход от воспитания к самовоспитанности⁷. Теперь отправка воспитанников во взрослую жизнь требует ключевого «дополнения»: стала видна фигура Высшего Учителя, который ведет, сопровождает и заботится о человеке на протяжении всей его земной жизни как самоприготовлении к жизни вечной. Арнобий находит посредника между Юпитером и Иисусом: это забота человека о самом себе, наставленном еще как язычник, но получающем шанс в самотрансформации понять, кто в доме истинный Хозяин и Учитель, неназойливо помогающий ученику правильно заботиться о себе в течение жизни. Ритор, по образованию римлянин, ставший христианином, не против *cura sui* как таковой (если не брать разное ее положение в оценочном, разрешительном спектре различных философских доктрин). Он за ее дополнение и новую иерархию приоритетов при сохранении перечня авторитетов предыдущих, пониженных в статусе либо переосмысленных. Жизнь «по сю сторону» переоценивалась им в свете перспективы жизни Там, но продолжала быть важным условием для счастливого пребывания в царстве вечности. К обратившимся и обращающимся, к готовящимся креститься и уже вошедшим в церковное общение, даже к еще упорствующим в языческих предрассудках Арнобий обращает один и тот же призыв: «Не ждите пассивно, даже если вы и уверовали в новую веру, но (по) заботьтесь о себе сами, и тогда Бог будет рад принять вас в свое Царство». Арнобий соединил жизнью и сочинением работу над собой (культивирование себя) и трансформацию (преображение себя), потому в его концепции забота о себе, объединяя христианский эллинизм и первоначальное христианство, становится в итоге христианской заботой о душе и теле⁸. Вероятно, неслучайно Мишель Фуко даже не упоминает Арнобия в своих

⁷ Об Арнобии как представителе «риторической апологетики» см.: *Edwards M. The Flowering of Latin Apologetic: Lactantius and Arnobius // Apologetics in the Roman Empire: Pagans, Jews, and Christians / M. Edwards, M. Goodman, S. Price in ass. with C. Rowland, eds. Oxford, 1999. P. 197–222.*

⁸ Ги Струмза выразителем первого, «более консервативного» подхода полагает Климента Александрийского, а выразителем второго, «более динамичного» — Афанасия, описывающего жизнь св. Антония (см.: *Stroumsa G. The End of Sacrifice. Religious Transformation in Late Antiquity / Tr. S. Emanuel. Chicago, 2009. P. 14.*)

штудиях о переходе от античной к христианской заботе о себе, так как африканский ритор сильно неудобен для стройности выводов французского философа и культуролога, поскольку как христианин и как апологет он тем не менее отнюдь не призывал христиан отказываться от самих себя, чем поголовно «грешили», с точки зрения Фуко, раннехристианские авторы. Наоборот, Арнобий призывал к действенной заботе о себе, не связанной с заботой об античных богах и с представлениями, что эти боги заботятся о благополучии людей. В своем диалоге со слушателями и читателями его произведения он подводил тех, кто еще не принял христианство, к принятию его вследствие истинной заботы о самих себе, а тех, кто уже его принял и нуждался в опоре, полемизируя с язычниками, убеждал в том, что отвержение старых богов и вера в Христа также есть и забота о самих себе — уже как о тех, правильная активность жизни которых приветствуется истинным Богом. Нет заботы о себе как об одном себе, в одиночку. Сохранение заботы о себе происходит при условии ее преобразования в заботу о себе и о тебе, в заботу человека и заботу Бога, поскольку любезен Его сердцу правильно заботящийся о себе человек. Забота о себе перестает быть одиночной философской практикой образованной элиты, она становится заботой о себе каждого христианина пред лицом истинного и близкого всем Бога — Отца и Господина. Возможность позаботиться о себе получают женщины, дети, неграждане, рабы, иноплеменники — все категории человеческих существ. «Несть ни эллина, ни иудея, ни мужчины, ни женщины, ни старого, ни молодого, ни свободного, ни раба» — есть лишь заботящиеся о своей душе и о себе в целом чада Божии. Овладение своим несовершенством, его познание и умение его направить, отринуть ложное, получить божественную помощь и выиграть битву со своими слабостями (Арнобий не скупится на перечень человеческих недостатков) за самого себя — такова предлагаемая язычникам в «Против язычников» схема заботы «этических атлетов» о самих себе⁹. Речь не идет об отказе или отвержении самого себя, но о правдивом познании себя и научении жить собой по-христиански. Сосредоточенный на индивидуальной душе и в целом самом себе, Арнобий не забыл морально-философской и экзистенциально-психологической заботы о себе его учителей-язычников¹⁰. Он *настроил ее* в сторону расширения под влиянием меняющейся религиозности. Расширения, в процессе которого праведно заботящийся о себе говорит с самим Богом, следуя ему силою дарованной свободной воли. Ученик Арнобия Лактанций придаст такому «этическому а(ск)тлету» помимо «тренера» еще и «группу поддержки», а также «команду» ближних, вместе с которой только и можно выиграть борьбу за самого себя. Арнобий не предлагает человеку уйти от самого себя, не говорит об отказе от себя за осуществление за-

⁹ *Stefaniw B. A Disciplined Mind in an Orderly World: Mimesis in Late Antique Ethical Regimes // Metapher — Narratio — Mimesis — Doxologie. Begründungsformen frühchristlicher und antiker Ethik. Kontexte und Normen neutestamentlicher Ethik / Contexts and Norms of New Testament Ethics. Band VII. Hrsg. v. Ulrich Volp, Friedrich W. Horn u. Ruben Zimmermann. Tübingen, 2016. P. 235.*

¹⁰ Ср. у П. Брауна о характерных чертах христианской религиозности в III столетии как на путь к Богу одиноких душ. Переход акцента к путешествию в компании заботливых защитников мы увидим у Лактанция (см.: *Браун П. Культ святых: Его становление и роль в латинском христианстве. М., 2004. С. 80, 163).*

боты о себе; он призывает человека к борьбе за самого себя. О желательном отказе от себя и большей опоры на других в борьбе за самого себя, как изначально не способном позаботиться о самом себе, скажет Лактанций, ученик Арнобия, отошедший от своего ритора на значительное расстояние. Его позицию мы рассмотрим в другой статье¹¹.

Ключевые слова: забота о себе, автодидактика, христианская педагогика, Арнобий, апологетика, античная культура, эллинизм, обращение, воспитание.

THE CONCEPT OF SELF-REGARD IN 'ADVERSUS NATIONES': ARNOBIUS'S CONVERSION INTO CHRISTIAN EDUCATOR

V. BEZROGOV

The article deals with the ideas of the Christian apologist of the 3rd - 4th centuries on the issues of man's self-regard, his anthropological status and possibilities of the personality as a self-transcending subject. It is shown how the dialogue of Christian and Greco-Roman concepts of education produced a particular pedagogical concept that helps to move from the latter to the former.

Keywords: self-regard, self-transformation, Christian education.

Список литературы

1. *Арнобий Старший*. Против язычников в семи книгах / В. М. Тюленев, пер., вступ. ст., коммент. СПб., 2013.
2. *Безрогов В. Г.* Борьба за или против самого себя? Самовоспитание глазами Лактанция (в печати).
3. *Браун П.* Культ святых. Его становление и роль в латинском христианстве. М., 2004.
4. *Войтенко А. А.* Египетское монашество в IV в.: житие прп. Антония Великого, Лавсик, История монахов. М., 2012.
5. *Пичугина В. К.* Антропологический дискурс «заботы о себе» в античной педагогике. М.; Калуга, 2014.
6. Athanasius of Alexandria. *Life of Antony* / Tr. by Tim Vivian and Apostolos N. Athanassakis. Kalamazoo, 2003.
7. *Besley T. & Peters M.* Subjectivity & Truth. Foucault, Education, and the Culture of Self. N. Y., 2007.
8. Dorothee de Gaza. *Instruction, presentation et traduction par Sr.Pascale-Dominique Nau.* R., 2014.
9. Dorotheus of Gaza. *Discourses and Sayings* / Tr. by Eric Wheeler. Kalamazoo, 1977.

¹¹ *Безрогов В. Г.* Борьба за или против самого себя? Самовоспитание глазами Лактанция (в печати).

10. Dorotheus von Gaze. *Doctrinae diversiae*. Die geistliche Lehre. Überz. Judith Pauli. 2 Bde. Freiburg im Breisgau, 2000.
11. *Edwards M.* The Flowering of Latin Apologetic: Lactantius and Arnobius // Apologetics in the Roman Empire: Pagans, Jews, and Christians / M. Edwards, M. Goodman, S. Price in ass. with C. Rowland, eds. Oxford, 1999. P. 197–222.
12. *Hieronimus Frank.* Melétē. Übung, Lernen und angrenzende Begriffe. 2 Bde. Basel, 1970. Bd. 1.
13. Nau, Pascale-Dominique. Psychological Maturity and Spiritual Maturity: A Reading of Dorotheus of Gaza. R., 2012.
14. *Newman Robert J.* Cotidie meditare: Theory and Practice of the *meditatio* in Imperial Stoicism // Haase Wolfgang (Hg.) Aufstieg und Niedergang der römischen Welt. Vol. II: Principat, Band 36 (3. Teilband). Philosophie, Wissenschaften, Technik: Philosophie (Stoizismus). Berlin; N. Y., 1989. S. 1484 ff.
15. *Pauli J.* Menschen und Menschwerden nach der geistlichen Lehre des Dorotheus von Gaze. St. Ottlien, 1998.
16. *Stefaniw B.* A Disciplined Mind in an Orderly World: Mimesis in Late Antique Ethical Regimes // Metapher — Narratio — Mimesis — Doxologie. Begründungsformen frühchristlicher und antiker Ethik. Kontexte und Normen neutestamentlicher Ethik / Contexts and Norms of New Testament Ethics. Band VII. Hrsg. v. Ulrich Volp, Friedrich W. Horn u. Ruben Zimmermann. Tübingen, 2016. P. 235.
17. *Stroumsa G.* The End of Sacrifice. Religious Transformation in Late Antiquity / Tr. S. Emanuel. Chicago, 2009.